

УДК 94(47)

Рост благосостояния населения юга Красноярского края в условиях интенсивного индустриального развития в 1970–80-е гг.

В.Н. Тугужекова^а, Е.Е. Тиникова^б

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина 23, Абакан, Республика Хакасия, Россия

^аkhaknauka@yandex.ru, ^бlena.tinikova@mail.ru

Статья поступила 15.04.2016, принята 26.05.2016

Рассматриваются проблемы влияния строительства Саянского территориально-производственного комплекса на уровень жизни населения юга Красноярского края. Показана динамика основных показателей благосостояния жителей региона — оплаты труда, размера стипендий, суммы вкладов в сберегательных кассах. Важное место отведено вопросам жилищного строительства и социально-бытового развития региона.

Ключевые слова: Саянский территориально-производственный комплекс; индустриальное развитие; уровень жизни; благосостояние.

Welfare increase among the population of the south of Krasnoyarsk krai under intensive industrial development in 1970-1980

V.N. Tuguzhekova^а, E.E. Tinikova^б

Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History; 23, Shchetinkin St., Abakan, Republic of Khakassia, Russia

^аkhaknauka@yandex.ru, ^бlena.tinikova@mail.ru

Received 15.04.2016, accepted 26.05.2016

The influence of the construction of Sayan territorial production complex on the standard of living of the population of Krasnoyarsk krai has been studied. Dynamics has been demonstrated for main welfare indicators of the population in the region such as labour cost, size of grants, the amount of deposits in savings banks. An important place has been given to housing and social amenities of the region.

Key words: Sayan territorial production complex; industrial development; standard of living; welfare.

Сложная социально-экономическая ситуация в России, связанная со снижением уровня жизни значительной части населения, вызывает в обществе чувство ностальгии по системе социальных гарантий и социального обеспечения советского времени. В массовом общественном сознании происходит мифологизация представлений об уровне и степени социального развития недалекого исторического прошлого. В связи с этим в последние годы исследователи уделяют

большое внимание проблеме уровня и качества жизни в советском государстве. Это обусловлено необходимостью объективного анализа социальной истории нашей страны.

Целью данной статьи является исследование влияния интенсивного индустриального развития юга Красноярского края в 1970–80-е гг. на уровень жизни населения региона.

С начала 1970-х гг. наступил новый этап промышленного освоения юга Красноярско-

го края в связи со строительством Саянского территориально-промышленного комплекса — мощного района обрабатывающей промышленности, в первую очередь машиностроения, энергоемких отраслей черной и цветной металлургии, а также электроэнергетики. Промышленные гиганты должны были стать ядром нового комплекса: Саяно-Шушенская ГЭС, Абаканский вагоностроительный узел и Минусинский электротехнический узел, состоящий из десятка первоклассных заводов.

На первом этапе создания Саянского ТПК в годы 9-й пятилетки (1971–1975 гг.) в Хакасской автономной области было построено и реконструировано 15 предприятий [1]. Наибольшие государственные инвестиции были направлены в электроэнергетику, на долю которой пришлось около 1/3 от всех вложений в промышленность Левобережья [2].

На втором этапе возведения комплекса были введены мощности на Саяно-Шушенской ГЭС, одновременно с формированием Саяногорского промышленного узла сооружались объекты Абаканского, Черногорского и Минусинского промышленных районов. В годы 10-й пятилетки (1976–1980 гг.) в рамках Абаканского промузла строились Абаканский вагоностроительный завод, Абаканский асфальтобетонный завод, завод монтажных заготовок, Абаканское объединение предприятий стройиндустрии, комбикормовый завод, Абаканский свинокмплекс, производственная база треста «Абаканпромжилстрой», Абаканский пивзавод и швейная фабрика.

Ядро Саянского ТПК наряду с Абаканом формировал Черногорский промышленный узел. Черногорск возник как узкоспециализированный город угледобычи. Однако с 1970-х гг. отраслями его специализации стали, помимо угледобычи, легкая и пищевая промышленность, производство строительных материалов, металлообработка. Легкая промышленность была представлена крупнейшим в стране камвольно-суконным комбинатом, а также комбинатом искусственных кож и фабрикой первичной обработки шерсти.

В Правобережье формировался Минусинский промышленный узел. Он представлял собой электротехническое производственное объединение, специализирующееся на выпуске крупных блоков энергетического оборудования для тепловых и гидравлических электростанций, комплектных крупноблочных устройств и производстве электроизделий общего применения. Это было мощное объединение из 12 предприятий одной отрасли, впервые в практике отечественного машиностроения размещенных на одной площадке. В состав объединения должны были войти заводы крупных электротехнических машин, высоковольтной аппаратуры, силовых трансформаторов, турбо- и гидрогенераторов и др.

Интенсивное индустриальное развитие региона повлияло на рост благосостояния населения юга Красноярского края. Об этом свидетельствуют следующие цифры: в 1970–80-е гг. среднемесячная заработная плата рабочих, специалистов и служащих в Хакасии выростала в среднем каждые пять лет на 20 %. Например, с 1970 по 1976 гг. она увеличилась на 21,2 % и составила 160 р. В 1977–1980 гг. средняя заработная плата рабочих и служащих в Хакасской автономной области составляла уже 184,6 р., в промышленности она равнялась 192,1 р., в строительстве — 208 р., на транспорте — 202 р. в месяц [3].

Таким же образом развивалась ситуация в Правобережье. Например, в 1981 г. в Минусинске среднемесячная заработная плата в промышленности составляла 191,8 р., рабочих строительно-монтажных работ — 217 р. [4]. Однако в первой половине 1980-х гг. размер заработной платы оставался примерно на прежнем уровне. В 1985 г. среднемесячная зарплата рабочих и служащих в Минусинске составляла 204,5 р., в Шушенском — 187,9 р., в Назарово — 215,9 р. [5]. Медленный рост благосостояния должен был снять возможные противоречия между элитой и остальным населением.

Уже с конца 1950-х гг. произошло заметное сближение размеров денежной заработной платы трудящихся Сибири и центральных районов страны: в 1959 г. это соотноше-

ние между Красноярским краем в целом и центром было 116:100 [6].

Так, среднемесячная заработная плата рабочих и ИТР в СССР в 1985 г. выглядела следующим образом: промышленные рабочие — 211,7 р., ИТР в промышленности — 233,2 р., строительные рабочие — 245,3 р., ИТР в строительстве — 239,7 р. [7].

Позитивное влияние на рост оплаты труда в целом в Сибири и в частности на юге Красноярского края оказывали следующие факторы:

1. Введение районных коэффициентов к заработной плате работников ряда отраслей промышленности. До 1972 г. коэффициент составлял 1,2. 9 июня 1972 г. постановлением ГК Совмина СССР по вопросам труда и заработной платы и Секретариата ВЦСПС № 150/15 районный коэффициент увеличился до 1,3.

2. Особенность отраслевой структуры народного хозяйства региона: здесь в большей степени, чем в среднем по РСФСР, были представлены предприятия тяжелой промышленности с более высокой оплатой труда. К высокооплачиваемым категориям рабочих относились машинисты экскаваторов, буровых станков, бульдозеров, шоферы и другие [8].

Тем не менее, увеличение заработной платы не ликвидировало различия в уровне жизни населения юга Красноярского края и центра страны. Дело в том, что затраты жителей региона на социально-бытовые расходы по сравнению с центром были намного больше.

По данным В.В. Воробьева, продовольственные товары в южной полосе Восточной Сибири обходились населению дороже, чем в центре страны. Стоимость питания одного рабочего в Восточной Сибири в целом на 14,4 % была выше, чем в центральных районах РСФСР. Затраты семьи из 4-х человек в восточных районах страны на питание составляли 126 %, на одежду и обувь — 147 %, на оплату жилья, отопления и других бытовых услуг — 188 % по сравнению с югом РСФСР. Для обеспечения нормальных условий жизни в восточных районах требовались расходы на

26 % выше, чем в центральных [9].

В связи с этим неудивительно, что для трудового населения была характерна неудовлетворенность зарплатой. В докладе «О задачах областной партийной организации по дальнейшему повышению эффективности, ускорению темпов и улучшению качества капитального строительства» (1979 г.) указывалось, что направляемые в область рабочие кадры плохо закреплялись на стройках, в том числе и по причине низких заработков [10].

Аналогичные сведения предоставила и Хакасская областная партийная организация, которая, анализируя причины текучести кадров на предприятиях Черногорска и Сорска, пришла к выводу, что основными причинами ухода с предприятий являлись нехватка жилья и низкая заработная плата рабочих, ИТР и служащих [11].

Кроме того, следует отметить, что заработная плата рабочих, специалистов и служащих на территории Саянского ТПК в целом была несколько ниже, чем средняя по Красноярскому краю.

С другой стороны, не следует забывать о некоторых положительных моментах при характеристике благосостояния трудящихся горожан юга Красноярского края. Например, большое значение в повышении жизненного уровня населения имели общественные фонды потребления, формируемые за счет государства и общественных организаций. В рассматриваемое время бесплатные выплаты и льготы осуществлялись в форме социального страхования, различных пособий, пенсий, стипендий, бесплатного медицинского обслуживания, обучения, расходов на содержание детских садов, санаториев, домов отдыха и т. д.

Сумма стипендий студентам постоянно повышалась в связи с общегосударственным повышением их размера. Например, в 1977 г. по сравнению с 1970 г. стипендия увеличилась в 2 раза и составила за год 3 782 тыс. р., на одного студента — в среднем около 37 р. в месяц. В 1977 г. денежные доходы городского населения Хакасской автономной области по сравнению с 1970 г. возросли в 1,5 раза. В

балансах доходов и расходов городского населения области в эти годы появилась тенденция к значительному росту денежных вкладов в сберегательные кассы [12].

Сумма вкладов населения Хакасии в сберегательные кассы за период с 1970 по 1989 г. увеличилась с 80 681 до 542 142 р. в год, то есть в 6,7 раз. При этом число вкладчиков увеличилось в 2 раза. Таким образом, возрос средний размер вкладов: он увеличился с 503 рублей до 1 397 р. [13]. В остальных районах юга Красноярского края средний размер вкладов в сберегательном банке на душу населения составлял в 1985 г.: Минусинский — 728 р., Шушенский — 802 р., Курагинский — 695 р. [14]. Вместе с тем, средний размер вклада на территории Саянского ТПК был несколько ниже, чем по стране, и примерно на одном уровне с размерами вкладов Западной и Восточной Сибири, кроме Тувинской АССР.

Важным показателем уровня жизни населения является состояние жилищно-коммунального хозяйства. Его развитие характеризует прежде всего процесс решения жилищной проблемы, что служит одним из главных направлений повышения жизненного уровня городского населения. К основным показателям роста жилищно-коммунального хозяйства относятся размеры увеличения жилищного фонда, его вид и благоустройство, оказание населению коммунальных услуг.

В 1970–80-е гг. в Сибири был осуществлен ряд мероприятий для повышения уровня жизни населения. Был сделан заметный шаг в выполнении жилищной программы. В результате ввод жилья в большинстве регионов Сибири стал выше среднереспубликанского уровня. При этом расширение жилищного фонда сопровождалось развитием сети учреждений общественного обслуживания: больниц, кинотеатров, домов культуры и т. д., повышался уровень благоустройства городов и сел.

В решениях XVII съезда КПСС, в основных направлениях социальной политики на 12-ю пятилетку и на перспективу до 2000 г. жилищное строительство рассматривалось как одно из основных средств повышения

уровня жизни советского народа и решения социальных вопросов в целом. Была поставлена задача — предоставить отдельную квартиру каждой советской семье.

В Красноярском крае в целом, в том числе в его южных районах и Хакасской автономной области, также были разработаны планы социального развития. В Хакасии такой план рекомендовал расходы городской инфраструктуры определять мнением жителей. Итоги выявления приоритетов жителей городов области показали, что для населения достаточно остро стоит жилищный вопрос, несмотря даже на то, что на жилищное строительство в Хакасской автономной области расходовались значительные средства. Например, только в 1971–1975-х гг. в жилищное строительство области за счет всех источников финансирования было вложено около 140 млн р. капитальных вложений, что обеспечило ввод благоустроенных жилых домов общей площадью 821,5 тыс. м², в том числе в Абакане и Черногорске — 484 тыс. м² [15]. Отсюда следует, что жилищное строительство особо интенсивно велось в этих двух городах.

Однако ситуация в других городских поселениях юга Красноярского края складывалась не столь благоприятно. Вот данные по Саяногорску: в начале 1979 г. 48 % участвовавших в опросе саяногорцев занимали 2- и 3-комнатные отдельные квартиры, 10,1 % — однокомнатные, 9 % — отдельные комнаты в коммунальных квартирах, 19,6 % проживали в общежитиях или арендовали комнату [16]. Конечно, отставание Саяногорска по размерам жилой площади в расчете на одного жителя можно объяснить тем, что в то время он являлся городом-новостройкой. Между тем, среди семи новых городов Восточной Сибири (Ангарск, Братск, Дивногорск, Норильск, Усть-Илимск, Шелехов) Саяногорск по обеспеченности населения жилой площадью занимал последнюю позицию, впрочем, как и по бытовому обслуживанию и многим другим показателям.

Однако и в старом по районным меркам городе Минусинске жилищные условия также нуждались в улучшении. В 1989 г.

здесь в индивидуальных домах проживало 15,1 % населения, в части индивидуального дома — 4,2 %, в отдельной квартире — 63,9 %, но значительный процент (12,9) составляло население, проживающее в общежитиях, общих коммунальных квартирах, снимающее жилье, что свидетельствовало о стесненности жилищных условий и недостаточной обеспеченности квартирами [17].

Средняя обеспеченность жильем жителей Курагино и Шушенского в 1985 г. составляла соответственно 11, 6; 15 и 13,8 м² на одного жителя [18].

В Хакасской автономной области весь городской жилищный фонд за 1970–1989 гг. увеличился с 2 649 до 6 139,5 тыс. м². При этом доля жилищной площади, находившейся в личной собственности граждан, неуклонно уменьшалась при росте общественной (в 1970 г. соотношение между ними соответственно было 62:38, в 1989 г. — 81:19) [19].

Несмотря на то, что в городах и рабочих поселках юга Красноярского края с каждым годом увеличивалась площадь вводимого жилья, наблюдалось их явное отставание от западных районов. В целом эта тенденция была характерна для всех районов Восточной Сибири, где жилая площадь в расчете на одного жителя традиционно росла медленнее.

Этим и объясняется факт большого количества жалоб и просьб по вопросам обеспечения жилплощадью и коммунально-бытового обслуживания, поступавших в Хакасский обком партии. Например, в 1972 г. из Абакана поступило 229 письма, где 30 % общего количества просьб и жалоб приходилось на указанные проблемы [20].

Комиссия, исследующая причины невыполнения плана комплексной застройки городов области, пришла к выводу, что именно наличие большого количества заказчиков не создавало условий для совершенствования планирования и организации строительного производства. В частности, отмечалось, что только в Абакане и Черногорске, кроме отделов капитального строительства, в роли заказчиков жилищного и культурно-бытового строительства выступало значительное коли-

чество предприятий, организаций и ведомств. В 1974 г. трест «Абаканпромжилстрой» осуществлял строительство для 24, а трест «Абаканцелинстрой» — для 30 заказчиков. Абаканский же филиал института «Красноярскгражданпроект» проектные работы выполнял для 34 заказчиков [21].

На показатели прироста жилой площади существенное влияние оказала ликвидация бараков и аварийных жилых домов. Было принято специальное постановление областного комитета КПСС и облисполкома, которое предусматривало полную ликвидацию барачного и аварийного жилого фонда к 1980 г. [22]. Известно, что это постановление не было исполнено, но все же, в 1970-е гг. наблюдался рост внимания к проблеме переселения горожан из бараков и аварийного жилого фонда в благоустроенные дома. Вместе с тем, в городах Хакасии стало осуществляться строительство жилых домов новых серий 114–85, 114–86 и 111–97 [23].

В целом, в рассматриваемый период средняя обеспеченность горожан жильем значительно выросла, хотя она и не удовлетворяла все потребности горожан жильем. Территория Саянского ТПК по сравнению со страной отставала по обеспеченности населения жилой площадью, и в то же время данный показатель был несколько выше, чем по Красноярскому краю.

Возведение жилья не всегда сопровождалось одновременным вводом в строй всего комплекса необходимых населению учреждений социально-бытовой инфраструктуры. Это объясняется тем, что в рассматриваемый период господствовал так называемый остаточный принцип выделения средств на эти цели. В крупных городах положение усложнялось еще и тем, что существенная часть социально-бытовых учреждений, как правило, создавалась за счет средств предприятий (министерств), которые зачастую опаздывали по срокам ввода либо вообще отказывали в финансировании. В результате действия всех этих факторов в районах массового жилищного строительства (так называемых новостройках) требовалось несколько лет для доведения до нормы системы культурно-

бытового обслуживания — магазинов, химчисток, прачечных и т. д. — уже после того, как микрорайон был сдан в эксплуатацию. Неоправданный рост крупных городов оборачивался тем, что вложения в социально-бытовую инфраструктуру малых и средних городов (в том числе новых в Сибири) имели остаточный характер. Города этой категории, как правило, оказывались менее благоустроенными.

Благоустройство жилищного фонда городов юга Красноярского края отставало от среднего уровня по РСФСР почти по всем показателям: обеспеченности водопроводом, канализацией, центральным отоплением. Хакасия в этот период могла похвастаться лишь степенью газификации квартир, число которых в городах области с каждым годом увеличивалось в 0,5 раза.

Следует также отметить, что в этот период в организации работы по эксплуатации и обеспечению сохранности жилищного фонда в городах области имелись серьезные недостатки. Многие жилые дома находились в запущенном состоянии, имели неисправные кровли, водостоки, инженерное оборудование, неприглядные фасады и подъезды. Не принимались достаточно эффективные меры по улучшению благоустройства дворовых территорий, обустройству детских игровых и спортивных площадок, освещению и озеленению дворов. Местные органы власти объясняли низкий уровень благоустройства жилого фонда следующими причинами:

- неудовлетворительным выполнением решений ЦК КПСС и Совета Министров СССР о передаче ведомственного жилого фонда местным Советам депутатов трудящихся. (В Абакане и Черногорске только 28 % государственного жилищного фонда находилось в ведении местных Советов);

- недостатком строительных материалов — обеспеченность ими составляла 30 %;

- отсутствием в городских управлениях коммунального хозяйства обменного жилого фонда, что отрицательно влияло на равномерную загрузку ремонтных организаций в течение года [24].

В заключение следует отметить, что дан-

ные по жилищно-коммунальному обслуживанию, рассмотренные выше, свидетельствуют о том, что, несмотря на рост количества горожан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, планы строительства жилых домов не выполнялись. Уровень обеспеченности населения жильем в Сибири был ниже, чем по стране в целом.

Между тем, на юге Красноярского края с его холодным климатом, продолжительными морозными зимами и т. д. требования к обеспечению горожан жильем должны быть выше. Как было подчеркнуто, довольно высокая заработная плата рабочих Хакасской автономной области нивелировалась в результате больших расходов горожан на социально-бытовые нужды. По сравнению с центром РСФСР, на юге Красноярского края расходы на жилье и коммунальные услуги были выше в 1,5–2 раза.

Благосостояние горожан области с каждым годом повышалось, если сравнивать абсолютные показатели, например, показатели номинальной заработной платы. Фактически это не привело к сокращению разрыва в уровне жизни городского населения юга Красноярского края и центра СССР, что было связано с большими расходами горожан на социально-бытовые нужды, а главное, в официальной документации и статистике забывали упомянуть об инфляции и ее влиянии на рост реальных доходов. Низкие заработки приводили к высокой текучести рабочих кадров на предприятиях и активной миграции населения за пределы региона.

Литература

1. Егоров К.И. Очерки о создании Саянского территориально-производственного комплекса в Хакасии. Абакан, 2006. 136 с.
2. Дроздов А.И. Развитие производственной сферы Хакасии в 1965 – 1985 гг. Абакан, 2009. 118 с.
3. Промышленность ХАО за 1986 – 1988 гг. Абакан, 1989. 42 с.
4. Сводная и годовые отчеты совхозов и колхозов о выполнении норм выработки. 1979 – 1985 гг. // МКУ «Архив города Минусинска». Ф. 372. Оп. 1. Д. 699. Л. 18-19.

5. Показатели социального и экономического развития городов и районов края: стат. сб. Красноярск, 1994. 260 с.

6. Букин С.С. Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940 – 1950-е гг.). Новосибирск, 1991. 240 с.

7. Руткевич М.Н. Возрастание социальной напряженности к концу советского периода // Социс. 2004. № 7. С. 62-70.

8. О работе Хакасской областной парторганизации по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 01.02.1971 г. «О мерах по дальнейшему развитию в 1971 – 1980 гг. производительных сил Красноярского края» // ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 2. Оп. 4. Д. 105. Л. 161.

9. Воробьев В.В. Население Восточной Сибири (современная динамика и вопросы прогнозирования). Новосибирск, 1977. 160 с.

10. Протокол II пленума обкома КПСС // ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 2. Оп. 9. Д. 37. Л. 93.

11. О работе Хакасской областной парторганизации по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 01.02.1971 г. «О мерах по дальнейшему развитию в 1971 – 1980 гг. производительных сил Красноярского края» // ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 2. Оп. 4. Д. 105. Л. 163.

12. Социальный паспорт Хакасской автономной области / под ред. Г.Ф. Кузнецова, В.В. Павловского. Абакан, 1980. 221с.

13. Распределение населения по общественным группам, источникам средств существования, отраслям народного хозяйства и занятиям:

сб. по материалам всесоюз. переписи населения 1989 г. Абакан, 1991. 54 с.

14. Показатели социального и экономического развития городов и районов края: стат. сб. Красноярск, 1994. 260 с.

15. Протоколы заседаний бюро № 26-27,28 1875 г. // ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 2. Оп. 6. Д. 31. Л. 2.

16. Куцев Г.Ф. Формирование социальной инфраструктуры нового города // Проблемы социального развития новых городов в автономном районе освоения. Красноярск, 1981. С. 3-21.

17. Аналитические записки по всем отраслям народного хозяйства и культуры. 1979 – 1980 гг. // МКУ «Архив города Минусинска». Ф. 372. Оп. 1. Д. 672а. Л. 16.

18. Показатели социального и экономического развития городов и районов края: стат. сб. Красноярск, 1994. 260 с.

19. Хакасская автономная область в цифрах за 60 лет: стат. сб. Абакан, 1990. 100 с.

20. Протокол XXII-ой Хакасской областной партийной конференции // ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 2. Оп.5. Д. 26. Л. 78-79.

21. Протоколы заседания бюро № 15, 16, 17, 18, 19 1974 г. // ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 2. Оп.5. Д. 48. Л. 64-65.

22. Социальный паспорт Хакасской автономной области /Под ред. Г.Ф. Кузнецова и В.В. Павловского. Абакан, 1980. 221 с.

23. Протоколы заседаний бюро № 26-27, 28 1875 г. // ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 2. Оп. 6. Д. 31. Л. 2.

24. Протоколы заседаний бюро № 26-27, 28 1875 г. // ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 2. Оп. 6. Д. 31. Л. 3-4.

УДК 93/94:620.3(47+57)

Проблемы выбора стратегии развития нефтегазового комплекса СССР в контексте ведомственных и региональных интересов в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг.

Е.А. Хромов

Сургутский государственный педагогический университет, ул. 50 лет ВЛКСМ 10/2, Сургут, Россия
eah01@bk.ru

Статья поступила 19.02.2016, принята 24.03.2016

В статье рассматриваются проблемы формирования новой стратегии развития нефтегазового комплекса СССР в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. Зафиксировано столкновение различных ведомственных и региональных групп интересов, которые боролись за перераспределение основных капиталовложений, отпускаемых на развитие нефтегазовой отрасли в СССР. Показана роль отдельных хозяйственных ведомств и региональных властей Тюменской области в выборе Западно-Сибирской низменности в качестве новой нефтегазовой базы страны на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: ведомственные интересы, Западная Сибирь, нефтегазовый комплекс, региональные интересы, стратегия развития.

Problems of choice of development strategy for the oil and gas complex in the context of departmental and regional interests in the USSR at the end of the 1950s – the first half of the 1960s

E.A. Khromov

Surgut State Pedagogical University; 10/2, 50 let VLKSM St., Surgut, Russia
eah01@bk.ru

Received 19.02.16, accepted 24.03.2016

The article discusses the problems of formation of a new development strategy for oil and gas complex in the USSR at the end of the 1950s – the first half of the 1960s. It was recorded as a conflict of interests between different departmental and regional groups. They fought for the redistribution of major investments, released for the development of oil and gas industry in the USSR. The role of individual economic departments and regional authorities of Tyumen oblast has been demonstrated in the article, when choosing the West Siberian Plain as a new long-term oil and gas base of the country.

Key words: departmental interests; Western Siberia; oil and gas complex; regional interests; development strategy.

Перед страной в конце 1950-х гг. встали задачи по модернизации структурообразующих секторов экономики. Вместе с тем стала проявляться не только неэффективность работы крупных топливно-энергетических ведомств, но и проблемы в обеспечении минерально-сырьевой базой советской промышленности. Эти обстоятельства

усилили влияние энергетического фактора на развитие советского хозяйства. В этих условиях возникла необходимость выбора новой стратегии развития нефтегазового комплекса СССР с учетом ведомственных и региональных интересов. Так как именно в конце 1950-х гг. была проведена реформа управления промышленностью и строитель

ством, которая не только ослабили позиции центральных хозяйственных ведомств, но и усилила хозяйственные позиции региональных властей и дала им возможность более эффективно отстаивать свои экономические интересы.

История изучения проблемы разработки сценария развития нефтегазового комплекса СССР в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. рассматривалась в виде небольших сюжетов в рамках работ по изучению функционирования нефтегазового комплекса страны в «хрущевский» период. Зачастую в них анализировались однотипные проблемы: неудовлетворительная работа энергетических ведомств, слабость совнархозов при реализации крупных нефтяных и газовых проектов, неэффективность работы Госплана СССР в планировании добычи нефти и газа [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7]. В этой связи актуальным является рассмотрение проблем формирования новой стратегии развития нефтегазового комплекса СССР в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. с учетом ведомственных и региональных интересов.

Большинство исследователей нефтегазового комплекса (НГК) традиционно понимают под ним комплекс отраслей, нацеленный на разведку, добычу, транспортировку и переработку нефти и природного газа [7, с. 8; 8, с. 3]. Помимо технологического подхода существует и социально-корпоративный подход. Исследователи, работающие в рамках этого подхода, стремятся объяснить сущность и механизм функционирования подобных комплексов, формировавшихся на базе отраслевых и региональных групп интересов [9, с. 9; 10, с. 153].

Согласно нашему подходу, нефтегазовый комплекс являлся своеобразной социальной корпорацией нацеленной на продвижение своих интересов в высших политических и экономических органах страны. В данную социально-корпоративную структуру входили руководители нефтяной, газовой промышленности и геологической службы, руководители соответствующих отделов ЦК партии, а также научно-технические круги. Исключительно важную роль в этой ситуации, по мнению С. П. Перегудова, играли региональные группы интересов, выразителем которых являлись чаще всего соответствующие

партийные комитеты и их первые секретари [11, с. 36].

Нефтегазовый комплекс, хотя и представлял единую социальную корпорацию, конфликт и борьба интересов между группами в самой этой хозяйственной структуре, несомненно, были. Они являлись одним из ведущих факторов, определяющих развитие этой отрасли.

Противоречия между групповыми интересами особенно ярко проявились в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. В соответствии с решениями семилетнего плана многократно увеличились капитальные вложения в нефтегазовый комплекс [12, с. 367-368]. В этой связи перед НГК встал ряд проблем по распределению данных инвестиций и необходимостью выбора потенциальной нефтегазовой провинции. При этом расширение минерально-сырьевой базы планируемыми органами увязывалось с рациональным географическим размещением источников сырья [13, с. 75]. Именно здесь, по мнению В. А. Крюкова, «наблюдалась так называемая ведомственная разобщенность действий различных участников процесса освоения и разработки месторождений углеводородов» [14, с. 134].

Необходимость выбора нового нефтегазового района объяснялась складывавшемся дефицитом энергоресурсов в наиболее развитых европейских районах страны из-за низкой добычи в традиционных областях и хронического неравномерного размещения энергетических ресурсов [15, с. 214; 16, с. 11]. Формирующийся дефицит энергетических ресурсов, и в первую очередь нефтепродуктов и природного газа, препятствовал устойчивому развитию народного хозяйства СССР. В этой ситуации необходимо было устранить напряженность в обеспечении народного хозяйства топливом и энергией и не допустить возможного энергетического кризиса.

Развитие топливно-энергетической базы страны в этот период несколько отставало от роста промышленного производства. Так, например за 1937-1956 гг. валовая продукция всей промышленности в СССР выросла в 5,18 раза, а производство основных первичных видов энергии увеличилось в 2,66 раза [17, л. 28]. В ситуации высокого уровня по-

требления энергоресурсов неперенным условием становилось создание надежной нефтедобывающей базы для обеспечения бесперебойной работы промышленности, транспорта, сельского хозяйства [18, л. 5, 6].

Перед геологами была поставлена задача «найти крупные месторождения, которые позволят с наименьшим количеством скважин и, следовательно, с минимальной затратой средств и времени достигнуть запланированного уровня добычи нефти и газа» [19, с. 37-38].

Материалы Всесоюзного совещания геологов, проведенного 24-26 февраля 1965 г. [20], являются важным источником по целому комплексу вопросов, связанных с территориальным, технологическим, отраслевым, транспортным и управленческим аспектами развития нефтегазового комплекса СССР за семилетку.

В совещании принимали участие представители большинства ведомственных и территориальных организаций, имеющих непосредственное отношение к функционированию нефтяной и газовой промышленности СССР. Материалы совещания дают возможность понять как происходило складывание, формирование и развитие ведомственных и региональных интересов по ключевому вопросу – расширение воспроизводства минерально-сырьевой базы, в частности, за счет новых перспективных территорий, исходя из ретроспективного анализа обсуждавшихся проблем.

На совещании проявились различные ведомственные и региональные точки зрения по вопросу выбора ключевого региона для осуществления основных капиталовложений, выделяемых на геологоразведку. Перспективы развития нефтегазовой промышленности были еще не определены. Имелось несколько вариантов потенциальных нефтегазовых территорий. Проблема состояла в выборе наиболее продуктивного из них. Положение сторонников первоочередного освоения территории Западно-Сибирской низменности было неустойчиво. Как отмечал В. И. Сулов, в то время была «сильна позиция сторонников инвестиционной «накачки» нефтегазовых комплексов Урало-Поволжья и Средней Азии» [21, с. 131]. Но реальная ситуация с эффективностью гео-

логоразведочных работ в этих регионах была неблагоприятной.

Заместитель председателя Госгеолкома СССР В. И. Шревский, характеризуя на совещании общую ситуацию по итогам геологоразведочных работ за 1959-1964 гг. отметил общее «неудовлетворительное выполнение плана по приросту запасов нефти и газа» [20, л. 5]. Одной из главных причин такого положения являлось то, что наращивание запасов в традиционных регионах за последние годы происходило в основном за счет открытия месторождений с небольшими запасами нефти и газа (до 2-3 млн. т) [20, л. 31].

Материалы совещания дают наглядное представление о территориальном размещении перспективных нефтегазовых территорий. Наиболее эффективной территорией по таким критериям, как прирост запасов нефти и газа и основные показатели буровых работ являлась Западная Сибирь [20, л. 5]. Еще одной перспективной территорией являлась Средняя Азия. Основные запасы нефти были сосредоточены в западной части Туркменской ССР – 80% от общих ее запасов в Средней Азии. При этом в среднеазиатских республиках было сосредоточено 25% выявленных запасов газа в СССР (центральная, восточная части Туркменской ССР, Западный Узбекистан) [20, л. 10].

В то же время оказались исключительно успешными поисковые работы в Западной Сибири. За шесть лет семилетки здесь было открыто 28 нефтяных и 27 газовых, газоконденсатных месторождений с большими запасами углеводородов [20, л. 8, 9]. Эти обстоятельства имели серьезное значение для оказания ведомственной поддержки Госгеолкома СССР и РСФСР в отношении стратегических планов по развитию нефтяной и газовой промышленности властей Тюменской области.

Данная ситуация становится вполне понятной, если обратиться к докладу Н.С. Хрущева на внеочередном XXI съезде КПСС. По его мнению, «добыча нефти увеличится в 1965 году до 230-240 млн. т., или в два с лишним раза, добыча и производство газа возрастет примерно в пять раз и достигнет 150 млрд. м³ в год» [22, с. 27]. Именно эти показатели были установлены в семилетнем

плане на 1959-1965 гг. В этих условиях перед Госгеолкомом СССР и РСФСР как организациями, занимающимися поиском, разведкой и приростом нефти и газа, были поставлены большие плановые цифры на семилетку. В этой связи вполне логичными выглядят мероприятия геологических организаций РСФСР и СССР, нацеленные на усиление позиций Западно-Сибирской низменности в качестве одной из перспективных территорий нефтегазодобычи [23, с. 222].

На сессии экспертно-геологического совета, проводившейся 17 августа 1961 г., была поставлена цель превратить Западно-Сибирскую низменность в ближайшие 10 лет в новый нефтегазодобывающий район [23, с. 225]. В январе 1963 г. Госгеолком СССР безоговорочно признал Западно-Сибирскую низменность крупнейшей нефтегазоносной провинцией страны, а ее перспективы оценил значительно выше потенциала Волго-Уральской провинции [24, л. 195]. Таким образом, планы Тюменских властей по формированию в области крупной нефтегазодобывающей базы востока страны получили ведомственную поддержку Госгеолкома СССР.

Руководство Госгеолкома СССР на Всесоюзном совещании геологов высоко оценило перспективы Западной Сибири в обеспечении энергоресурсами Европейского и Уральского промышленных районов [20, л. 5, 6].

Однако в то же время на совещании руководители Госгеолкома СССР высказали точку зрения, что «в первую очередь нужно сосредоточивать все свои силы на наращивании разведанных запасов топливно-энергетических полезных ископаемых в Европейской части СССР» [20, л. 45].

Сложившуюся ситуацию можно объяснить тем, что геологические организации СССР руководствовались в своих действиях указаниями Госплана СССР. Между тем, планирующие органы СССР возлагали большие задачи по усилению и расширению геологоразведочных работ на нефть и газ в Европейской части СССР. Это были районы, где разработка их была экономически наиболее выгодна [25, л. 3]. Территория Западной Сибири в инфраструктурном отношении была наиболее неосвоенной тер-

риторией СССР, она требовала очень больших капиталовложений.

Вместе с тем на совещании были озвучено мнение о необходимости постепенного, медленного освоения минерально-сырьевой базы Западной Сибири. Данной точки зрения придерживался руководитель нефтяного ведомства Н. К. Байбаков. На совещании он высказал суждение, что с одной стороны, необходимо осуществлять широкую поддержку развития геологоразведочных работ на нефть и газ, с другой – «при сравнительно низких капиталовложениях получать высокую отдачу» [20, л. 64]. Этого можно было достичь, по мнению Н. К. Байбакова, опираясь на традиционные сырьевые базы, большинство из которых располагалось на территориях с благоприятными климатическими условиями и в значительной мере уже были обустроены [26, с. 2].

Позиция нефтедобывающего ведомства строилась на тех основаниях, что вовлечение Западной Сибири в стадию интенсивной добычи нефти должно иметь постепенный характер, так как освоение нового промышленного комплекса в Тюменской области было связано с крупными капиталовложениями [27, с. 3].

В свою очередь отдельные руководители Госплана СССР, СНХ РСФСР, Средне-Волжского совнархоза стояли на позиции первостепенного освоения Волго-Уральской нефтегазовой провинции [20, л. 65].

Руководители геологических и добывающих нефтегазовых организаций Тюменской области в 1965 г. упрекали работников Госплана СССР в сдерживании финансирования тюменской нефтяной базы [27, с. 3].

При этом в хозяйственных структурах нефтедобывающей промышленности СССР были сильны сторонники Волго-Уральской провинции.

На совещании главный геолог Управления нефтегазодобывающей промышленности Средне-Волжского СНХ Т. М. Золоев высказал традиционное мнение, которого придерживались сторонники Волго-Уральской провинции, о тяжелых климатических условиях и необустроенности Западно-Сибирского региона и как следствие – огромных затратах на его освоение [20, л. 182].

Не оказывали поддержку в продвижении

проекта создания новой нефтегазодобывающей базы в Тюменской области и руководители Средне-Уральского совнархоза, куда входила область. Руководители совнархоза традиционно выступали за перераспределение «нефтяных» средств в пользу металлургии и машиностроения. В связи с этим отрицательно относились к промышленной добыче нефти и газа в Западно-Сибирской низменности [28, с. 210].

В свою очередь, в конце 1950-х гг. в самостоятельную отрасль, в рамках нефтегазового комплекса, выделилась газовая промышленность. 6 декабря 1957 г. в соответствии с постановлением Совета Министров СССР было создано Главное управление газовой промышленности [29, с. 291].

Новое ведомство отвечало за комплекс работ: от разведки газовых месторождений до обеспечения снабжения газом народного хозяйства. Главгаз стал ответственен за строительство магистральных газопроводов, нефте-, продуктопроводов и обеспечение их эффективной эксплуатации. По своей сути оно обладало хозяйственными полномочиями упраздненных министерств. Главгаз СССР в 1957 г. возглавил А.К. Кортунов, который активно отстаивал необходимость развития самостоятельной газовой отрасли [30, с. 42-43].

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1958 г. «О дальнейшем развитии газовой промышленности и газоснабжении предприятий и городов СССР» [29, с. 440-443] перед Главгазом СССР были поставлены стратегические задачи. За пятнадцатилетний период комитет должен был довести добычу газа до 270-320 млрд. м³. Это в 13-15 раз превышало объем добычи и производства газа в 1957 г., в том числе к 1965 г. до 150 млрд. м³ против 20 млрд. м³ в 1957 г.

Для реализации поставленных перед отраслью задач и быстрого развития нового ведомства необходимы были проекты обеспеченные промышленными запасами природного газа. Ситуация осложнялась тем, что необходимых объемов газа для развития отрасли не хватало [31, л. 131].

Низкая обеспеченность запасами не позволяла достигнуть предусмотренных планом размеров добычи не только в этих рай-

онах, но и в стране в целом. Главгаз испытывал потребности в новых перспективных районах освоения. Процесс наращивания минерально-сырьевой базы газовой промышленности осложнял существенный фактор: новая отрасль обладала необходимыми строительными, людскими ресурсами, серьезным экономическим, политическим влиянием, но не обладала собственной геологической службой, в отличие от нефтяного ведомства.

На Всесоюзном совещании геологов проблеме обеспечения минерально-сырьевой базы газовой промышленности был посвящен доклад заместителя председателя Государственного производственного комитета по газовой промышленности СССР Ю.И. Боксермана.

Докладчик отметил неудовлетворительное положение с выполнением плана прироста запасов природного газа в течение 1959–1964 гг. [20, л. 15]. Данную проблему, по его мнению, можно было разрешить усилением разведочных работ в традиционных районах добычи природного газа и одновременной передачей большего количества газа из северных и восточных районов.

В качестве перспективных газоносных районов Ю. И. Боксерман отметил Среднюю Азию и Западную Сибирь, «по каждому из которых можно говорить о реальности прироста запасов в ближайшие годы в 200–400 млрд. м³». При этом докладчик выразил общее мнение руководства газового ведомства о возможности принять самое активное участие в инфраструктурном обустройстве разведочных площадей [20, л. 279].

Руководители газовой промышленности постепенно начали поддерживать рискованно быстрое освоение Западно-Сибирской низменности, где можно было форсированно нарастить разведанные запасы и добычу газа [32, с. 5].

Впоследствии министр газовой промышленности А. К. Кортунов подчеркивал, что «в том-то и искусство руководителя, чтобы идти не по пути авантюризма, а именно оправданного риска, избегая серьезных ошибок» [33, с. 2]. Опираясь на разведанные запасы юго-запада, юга и запада страны было бесперспективно. Руководитель газового ведомства именно север Тюменской области,

где были открыты крупнейшие месторождения природного газа (на тот период 7-9 триллионов кубометров), считал основой будущего развития газовой промышленности и организации быстрого снабжения газом промышленных предприятий Урала и европейских регионов страны [34, с. 2].

Экономические показатели освоения новой нефтегазовой провинции были благоприятными. В провинции преобладали уникальные, крупные нефтяные и газовые месторождения с высокой плотностью запасов и небольшой глубиной залегания пластов [35, с. 24-29]. Себестоимость тонны запасов нефти и природного газа в десять раз была дешевле средней себестоимости по стране и намного меньше, чем в Западном Казахстане на месторождениях полуострова Мангышлак [36, с. 118]. Газовое ведомство во многом поддерживало Западно-Сибирский проект из-за выгоды транспортировки газа по северному направлению газопровода. Известно, что в структуре капиталовложений на развитие газовой промышленности затраты на строительство транспортных магистралей занимали 70-80% [37, с. 9]. При этом путь газа из северных районов Тюменской области на Урал, в центральные и северо-западные районы страны был на тысячу километров короче, чем по южному направлению из районов Средней Азии [38, с. 135; 39, с. 3].

Эти показатели позволяли в сравнительно короткий срок разрешить возникшие проблемы воспроизводства минерально-сырьевой базы нефтяной и газовой промышленности, а также улучшить топливный баланс страны.

Постановлением Совета Министров от 7 января 1964 г. Газпром СССР был окончательно определен главной хозяйственной структурой, ответственной за формирование нефтегазодобывающей промышленности в Западно-Сибирской нефтегазовой провинции [40, л. 14-18].

В результате Главгаз СССР стал активно продвигать предложения об освоении в северных районах Тюменской области крупных газовых месторождений. С этим предложением ведомство обратилось в Совет Министров СССР. 23 июля 1965 г. Президиум Совета Министров одобрил представленные Глав-

газом СССР, Госгеолкомом СССР и СНХ СССР предложения «об усилении геолого-разведочных работ на газ и освоению выявленных крупных газовых месторождений» в Тюменской области [41, л. 3].

В результате Газовый комитет получил право формировать инфраструктуру новой нефтяной базы в качестве генерального хозяйственного субъекта. Взамен приобрел надежную основу развития крупнейшей в стране базы газовой промышленности в Тюменской области.

Согласно поручению Совета Министров СССР от 29 апреля 1965 г. Государственный комитет нефтедобывающей промышленности приступил к разработке основных направлений развития нефтедобывающей промышленности на 1966-1970 гг. В ходе разработки проекта добычи нефти до 1970 г. нефтяной комитет пришел к выводу, что достичь намеченного уровня нефтедобычи, даже с учетом максимального увеличения ее в старых нефтяных районах, будет затруднительно. Достижить указанного уровня можно было «только за счет освоения новых нефтяных месторождений Западной Сибири и Западного Казахстана» [42, л. 134]. Особое место в разрабатываемом проекте было уделено развитию нефтедобычи в Западной Сибири. На этом основании можно сделать вывод, что в будущей стратегии развития комплекса минерально-сырьевая база Западной Сибири заняла приоритетное место.

Следовательно, подведенные на Всесоюзном совещании геологов итоги развития нефтегазовой промышленности СССР за семилетку 1959-1965 гг. являлись неудовлетворительными. Важным итогом развития топливной промышленности в 1950-1960-е гг. стало формирование только основ топливно-энергетического комплекса. Это поставило вопрос о необходимости выработки будущей стратегии развития комплекса.

Главной проблемой явилось определение перспектив развития нефтегазовой промышленности на основе наиболее перспективной нефтегазовой территории. На Всесоюзном совещании геологов было зафиксировано столкновение различных ведомственных и региональных групп интересов, боровшихся за перераспределение основных капиталовложений, отпускаемых на разви-

тие нефтегазовой отрасли. Вместе с тем было зафиксировано формирование ведомственных интересов Государственного геологического комитета СССР и Государственного производственного комитета по газовой промышленности СССР в отношении нефтегазовых ресурсов Западной Сибири и поддержка усилий, предпринимаемых партийно-хозяйственными руководителями Тюменской области в этом направлении.

Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Госплан СССР и практики планирования советской экономики (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.): реформы, институты, стратегические игры» № 14-31-01295/16

Литература

1. Алексеев В.В., Пашков Н.М. Партийное руководство созданием и развитием нефтегазового комплекса Западной Сибири // Вопросы истории КПСС. 1983. № 6. С. 55-67.
2. Карпов В.П. Создание и развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948-1990 гг.): Автореф. на соиск. уч. ст. д.и.н. Екатеринбург, 2007. 45 с.
3. Князев С.Л. Нефть Татарии: рубежи, взгляд сквозь годы. Казань: Татарское кн. изд-во, 1990. 328 с.
4. Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления и развития. В 2-х ч. Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2005. Ч. 1. 152 с; Ч. 2. 160 с.
5. Мальцев Н.А., Игневский В.И., Вадецкий Ю.В. Нефтяная промышленность России в послевоенный период. М.: ВНИИОЭНГ, 1996. 308 с.
6. Панарин С.М. Создание минеральной базы Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1961-1975 гг.): Автореф. на соиск. уч. ст. к.и.н. Екатеринбург, 1995. 23 с.
7. Славкина М.В. Великие победы и упущенные возможности: влияние нефтегазового комплекса на социально-экономическое развитие СССР в 1945-1991 гг. М.: Изд-во «Нефть и газ», 2007. 383 с.
8. Мстиславская Л.П., Павлинов М.Ф., Филипов В.П. Основы нефтегазового производства. М.: ФГУП, 2005. 276 с.
9. Быстрова И.В. Военно-промышленный комплекс. М.: ИРИ РАН, 2000. 363 с.
10. Некрасов В.Л. Индустриальная модернизация и энергетический переход. Исторические закономерности. Мировые тенденции. Опыт России. Сургутской гос. пед. ун-т. Майкоп: Качество, 2008. 235 с.
11. Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений. М.: Наука, 2003. 352 с.
12. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 8-12. – 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1985–1987.
13. Антропов П. Минерально-сырьевая база СССР – неиссякаемый источник развития социалистического производства // Коммунист. 1958. № 13. С. 74–83.
14. Крюков В.А. Организационно-экономические проблемы формирования и функционирования нефтегазового кластера в Западной Сибири // Регион. 2007. № 1. С. 133–153.
15. Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. Гл. ред. А.А. Фурсенко. М.: РОССПЭН, 2003. 1344 с.
16. Пробст А.Е. Народнохозяйственный эффект реконструкции топливного баланса СССР. М.: Знание, 1966. 16 с.
17. Развитие экономики СССР в 1950-1957 гг. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 99. Оп. 2. Д. 14. Л. 1-135.
18. Проект генеральной перспективы развития народного хозяйства РСФСР на 1959-1980 гг. Сводный доклад 1960 г. // РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 35. Л. 1-22.
19. Антропов П. Природные ресурсы и строительство коммунизма // Коммунист. 1960. № 12. С. 36–42.
20. Всесоюзное совещание геологов от 25 февраля 1965 г. Секция геологоразведочных работ на нефть и газ // РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 469. Л. 1-189.
21. Суслов В.И. Сибирь – Российская колония // Регион. 2007. № 1. С. 107-133.
22. Внеочередной XXI съезд КПСС. 27 января – 5 февраля 1959 г.: Стеногр. отчет. В 2-х тт. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1959. 592 с.
23. Нефть и газ Тюмени в документах. Т. 1. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1971. 480 с.
24. Поручение СМ СССР № 639 «Об организации Главного Тюменского производственно-управления нефтяной и газовой промышленности» // РГАЭ. Ф. 233 Оп. 3 Д. 270. Л. 195-196.
25. Стенограмма заседания секции геологии нефти и газа и глубокого бурения ИТС по вопросу: «Задача и основное направление геологоразведочных работ на нефть и газ в Европейской части СССР на 1966-1970 гг.» от 24-25 ноября 1966 г. // РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 8. Д. 413. Л. 8.

26. Байбаков Н.К. Прогрессивные методы добычи нефти // Экономическая газета. 1965. № 38.
27. Карягин Н., Межлумов О., Шаевский Ю., Тимонин В. Проблемы сибирской нефти // Правда. 1965. № 91.
28. Салманов Ф.К. Сибирь – судьба моя. М.: Молодая гвардия, 1988. 318 с.
29. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 5. 1962-1965. М.: Издательство политической литературы, 1968. 750 с.
30. Рудаков А. Создатель суперотрасли // Газпром. 2007. № 3. С. 42–45.
31. Справка об обеспечении народного хозяйства дефицитным топливом от 17.01.1962 г. // РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1167. Л. 131.
32. Карягин И.Д., Булатов В.С. Развитие газовой промышленности Севера Тюменской области. М.: Недра, 1978. 160 с.
33. Кортунов А.К. Судьба новых идей. Может ли министр рисковать? // Труд. 1968. № 25.
34. Кортунов А.К. Стратегия газовых потоков // Тюменская Правда. 1966. № 23.
35. Нестеров И.И., Ростовцев Н.Н., Рудкевич М.Я. Нефть Сибири. М.: Знание, 1963. 76 с.
36. Эрвье Ю.Г. Сибирские горизонты. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1968. 131 с.
37. Баталин Ю.П. А.Н. Косыгин и развитие нефтегазового комплекса страны // Энергетическая политика. 2004. № 3. С. 3–15.
38. Премьер известный и неизвестный: Воспоминания о А.Н. Косыгине / Сост. Т.И. Фетисов. М.: Республика, 1997. 256 с.
39. Протозанов А.К. Тюмень: проблемы освоения // Известия. 1965. № 308.
40. Решения совместного заседания Государственного комитета СМ СССР по топливной промышленности, коллегии министерства геологии и охраны недр и коллегии Главгаза СССР // РГАЭ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 29. Л. 14-18.
41. Поручения ЦК КПСС и СМ СССР от 25 мая – 1 октября 1965 г. // РГАЭ. Ф. 233. Оп. 3. Д. 275. Л. 3.
42. Поручение СМ СССР № 11-10 от 29 апреля 1965 г. «О разработке основных направлений развития нефтедобывающей промышленности на 1966-1970 гг.» // РГАЭ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 62. Л. 134-135.

УДК 314 (57) (09)

Уровень жизни населения Иркутской области в 2000-е годы

Г.А. Цыкунов^{1 а}, Н.С. Ротач^{2 б}

¹Байкальский государственный университет, ул. Ленина 11, Иркутск, Россия

²Самарский государственный университет путей сообщения, ул. Свободы 2в, Самара, Россия

^аtsykunov-ga@isea.ru, ^бn.rotach@yandex.ru

Статья поступила 23.05.2016, принята 17.06.2016

Анализируется уровень жизни населения Иркутской области в современный период. Отмечается связь между социально-экономической ситуацией в стране и жизненным уровнем населения области. Исследуются вопросы денежных доходов и потребительских расходов, показатели уровня бедности жителей региона. Особое внимание уделяется обеспеченности населения жильем, медицинским обслуживанием, детскими дошкольными и образовательными учреждениями. Рассматриваются последствия снижения жизненного уровня и влияние этого фактора на демографическую ситуацию в Иркутской области.

Ключевые слова: Иркутская область; население; уровень жизни; демография.

Living standards of the population in Irkutsk oblast in 2000s

G.A. Tsykunov^{1 a}, N.S. Rotach^{2 b}

¹Baikal State University, 11, Lenin St. Irkutsk, Russia

²Samara Transport University; 2V, Svobody St., Samara, Russia

^atsykunov-ga@isea.ru, ^bn.rotach@yandex.ru

Received 23.05.2016, accepted 17.06.2016

The article analyses the living standard of the population in Irkutsk oblast in the modern period. The relation between social and economic situation in the country and living standard of the population in the oblast has been noted. Issues have been researched, concerning financial incomes and consumer spendings, as well as indicators of the poverty rate of the population in the region. Special attention has been paid to the number of accommodation per population, as well as of nursery schools and educational institutions. Both after-effects to declining the living standard and the influence of it on the demographic situation in Irkutsk oblast have been studied

Key words: Irkutsk oblast; population; living standard; demography.

Системный кризис, охвативший постсоветскую Россию, оказал негативное воздействие на все стороны жизни общества. Прежде всего это сказалось на самой чувствительной сфере — уровне жизни населения. По основным социально-демографическим показателям россияне приблизились к мрачным временам так называемой социалистической модернизации. Современные реформаторы-либералы, как это было не раз в истории, вновь сделали жертвой своих амбиций жизнедеятельность абсолютного большинства населения.

В советский период Иркутская область являлась одним из самых высокоразвитых экономически и урбанизированных регионов Сибири. Послевоенное крупномасштабное развитие производительных сил сопровождалось массовым переселением людей в Иркутскую область. С 1959 по 1989 гг. население области увеличилось с 1 976,4 тыс. чел. до 2 824,9 тыс. чел., или на 30 %. В Приангарье отмечался высокий удельный вес городского населения, который с 1991 г. составлял 80,5 %. Вокруг крупных промышленных центров возникали новые города: Братск (287,8 тыс. чел.), Ангарск (275,2 тыс. чел.), Усть-Илимск (112,2 тыс. чел.), Шелехов (48,6 тыс. чел.), Саянск (43,5 тыс. чел.) [5, с. 476].

Важную роль в привлечении трудовых ресурсов для промышленного развития сибирских регионов играло государство. В районах нового освоения устанавливался повышенный районный коэффициент заработной платы,

создавались условия для профессионального роста. Для инженерно-технических работников и высококвалифицированных рабочих предусматривалось бронирование жилой площади в различных городах СССР. В Иркутской области велось масштабное жилищное строительство, что создавало мигрантам возможности для решения квартирного вопроса. Крупные стройки и новые города, прежде всего в северных районах, гораздо лучше обеспечивались промышленными и продовольственными товарами. Таким образом, создание необходимой социально-бытовой инфраструктуры, организация нормирования и оплаты труда, обеспечивающая неуклонный рост заработной платы, позволяли улучшать материальное благосостояние жителей Иркутской области.

Заданный в начале 1990-х гг. курс на рыночные реформы изначально носил разрушительный характер, что привело к небывалому для мирного времени спаду производства. В Иркутской области крупные промышленные предприятия являлись градообразующими, на них замыкались все городские объекты жизнеобеспечения. Остановка производств, банкротство предприятий оборачивались социальной катастрофой для местного населения. Следствием этих рыночных катаклизмов стало резкое снижение жизненного уровня населения. Некогда благополучная Иркутская область с комфортными условиями проживания людей стала превращаться в депрессивный ре-

гион с высоким уровнем миграционного оттока, естественной убыли населения и крайне неблагоприятной экологической ситуацией в ряде городов и районов.

Масштабное падение жизненного уровня населения в 1990-х гг. имело свои последствия и в 2000-е гг., когда социально-экономическая ситуация в стране стала меняться в лучшую сторону. Однако было бы неверно считать, что накопленные проблемы жизни населения можно решить лишь увеличением доходов государственного и регионального бюджетов.

Главным показателем благополучия граждан являются их денежные доходы. Реальная заработная плата работников по Иркутской области в 2009 г. составляла 65 % от уровня 1990 г., реальные среднедушевые доходы — 56 %, средний размер реальной пенсии — 45 % от уровня 1990 г. [2, с. 51].

В структуре формирования денежных доходов населения главным источником являлась оплата труда. Так, если в 2000 г. доля заработной платы в денежных доходах населения составляла 40,6 %, то в 2014 г. — уже 55,3 % [3, с. 48]. В 2014 г. среди населения Иркутской области наибольший удельный вес (17,3 %) в величине среднедушевых денежных доходов имела группа жителей с доходами 10–14 тыс. р. в месяц. Согласно статистике, в 2014 г. среднедушевые денежные доходы составляли 20 216 р. в месяц, тогда как в Красноярском крае — 24 348, в Омской области — 24 165, в Новосибирской области — 22 441, Республике Бурятия — 22 213 рублей [4, с. 50-51]. С 2000 по 2014 гг. уровень бедности среди населения Иркутской области снизился с 35,5 % до 18,6 %. По этому показателю ее превосходили лишь республики Тыва (35,2 %) и Алтай (20,8 %) [4, с. 53]. Следует отметить, что в сравнении с Иркутской областью меньший уровень бедности имеют республики Бурятия, Хакасия и Забайкальский край.

В 2013 г. в Иркутской области на покупку продуктов питания приходилось 27,7 % от всех потребительских расходов домашних хозяйств, на покупку непродовольственных товаров — 42,7 %, на оплату услуг — 23,3 %. По этим показателям Иркутскую область превосходили лишь Красноярский край, Томская и Новосибирская области. В струк-

туре потребления продуктов питания (в среднем на члена домохозяйства в месяц) преобладали молоко и молочные продукты — 14,4 кг, картофель — 10 кг, хлебные продукты — 9,5 кг. В домашних хозяйствах горожан по сравнению с домашними хозяйствами в сельской местности отмечалось большее потребление овощей и бахчевых, мяса и мясопродуктов, яиц [4, с. 56-57].

Численность пенсионеров в Иркутской области возросла с 725,9 тыс. чел. в 2000 г. до 743,1 тыс. чел. в 2014 г., что составляет 30,1 % от всей численности населения области. По количеству пенсионеров на 1 тыс. населения (305,8 чел.) Иркутская область в Сибирском федеральном округе занимает второе место после Кемеровской области [4, с. 70-71]. В 2014 г. средний размер назначенных месячных пенсий в Иркутской области составлял 11 243 руб. Для сравнения, размер пенсий в Томской области равнялся 11 930 р., в Красноярском крае — 11 707 р., в Республике Алтай — 9 810 р. [4, с. 72]. В Приангарье функционируют 27 учреждений для престарелых, инвалидов и детей-инвалидов на 4 736 мест. В то же время, в 2014 г. по области в очереди для помещения в эти учреждения состояли 698 чел., из них 75 детей [4, с. 73].

В урбанизированной Иркутской области всегда остро стоял жилищный вопрос. Ввод в действие жилых домов в области возрос с 185,8 тыс. м² в 2000 г. до 835,7 тыс. м² общей площади [4, с. 88]. Увеличение объемов жилищного строительства не привело к снижению ежегодно растущих цен. С 2000 по 2014 гг. обеспеченность населения жильем увеличилось с 18,8 до 22,7 м² общей площади на одного жителя. Однако в рейтинге сибирских регионов по обеспеченности населения жильем Иркутская область занимала лишь 5-е место. В то же время, она находилась на первом месте по доле жилищного фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства (62 %), превосходя в целом показатели по Российской Федерации [4, с. 86-87]. В этом сказались формирование в Иркутской области группы новых городов и поселков с комфортным жильем, его обеспеченности коммунальными удобствами.

Важнейшим показателем жизненного уровня населения является медицинское обслуживание. В 2014 г. в подчинении мини-

стерства здравоохранения Иркутской области функционировали 80 больничных учреждений, 16 диспансеров, 31 амбулаторно-поликлиническое учреждение, 6 станций скорой помощи, 5 станций переливания крови, 8 домов ребенка, 3 санаторных учреждений особого типа. Для периода 2000–2014 гг. характерно общее снижение численности лечебно-профилактических учреждений и медицинских кадров. За это время численность врачей в области сократилось с 12,2 до 11,8 тыс. чел., среднего медицинского персонала — с 28,3 до 27,3 тыс. чел., число больничных коек — с 33,3 до 32 тыс. [4, с. 91].

Среди городов наименьшая обеспеченность врачами наблюдается в Свирске и Тулуне, среди муниципальных районов — в Тулунском, Усть-Илимском, Черемховском, Усольском, Зиминском и Куйтунском районах. В последние годы успешно действует программа «Земский доктор» по привлечению молодых врачей в сельскую местность, которая предусматривает выплату денежных пособий, обеспечение жилищных условий, возможности для профессионального роста. К сожалению, из-за малого бюджетного финансирования круг участников этой программы ограничен, хотя желающих работать в районных и участковых больницах немало. Подобная ситуация с кадрами существует и в звене среднего медицинского персонала, зачастую заменяющего в сельской местности врачей различных специальностей. Наибольший дефицит в Иркутской области составляют врачи-фтизиатры, отоларингологи, офтальмологи, психиатры и психиатры-наркологи, рентгенологи и радиологи.

Среди сибирских регионов Иркутская область по количеству врачей и среднего медицинского персонала на 10 тыс. населения занимает 6-е место, а по числу больничных коек — 2-е место, уступая лишь Республике Тыва. В целом состояние материальной базы и численность медицинских работников в Иркутской области не отвечали нормативному уровню развития медицинского обслуживания.

Ухудшение условий жизнеобеспечения и охраны здоровья привело к высокой заболеваемости населения. Эти проблемы тесно связаны с трудностями адаптации людей к

новой жизненной обстановке, вызванной радикальными рыночными реформами. С 2000 по 2014 гг. заболеваемость населения Иркутской области увеличилось с 793,8 до 955,4 чел. на 1 тыс. населения. По основным классам болезней наибольшее увеличение заболеваний связано с костно-мышечной системой — на 48,6 %, новообразованиями — на 42,3 %, системой кровообращения — на 21 % [4, с. 94].

Тяжелейшим последствием разрушения прежней системы социальной защиты и охраны здоровья населения стали быстроразвивающиеся процессы естественной убыли населения. В 1993 г., впервые в послевоенной истории Иркутской области, число умерших превысило число родившихся на 7 263 чел. Наивысшего уровня естественная убыль населения достигла в 2000 г., когда в области родилось 28 060 чел., а умерло 40 829. Следует отметить различный уровень естественной убыли среди городского и сельского населения. Так, если в 2000 г. естественная убыль на 1 тыс. населения составляла среди городского населения 5 чел., то среди сельского населения — 3,9 [5, с. 477].

В 2008 г. в Иркутской области наступает перелом в естественном движении населения, когда число родившихся (37 548 чел.) превышает число умерших (35 359 чел.). С этого времени происходит естественный прирост населения, который в 2012 г. достигает максимального значения — 4 916 чел., или 2 чел. в расчете на 1 тыс. населения [4, с. 6–8].

Статистические данные 2014 г. показывают, что в области продолжается естественный прирост населения (36 856 родившихся против 33 127 умерших). Однако по муниципальным образованиям этот показатель значительно отличается. В 11 городских округах и муниципальных районах по-прежнему уровень смертности превышает уровень рождаемости. К ним относятся Братск, Усолье-Сибирское, Ангарск, Бодайбо, Усть-Кут и Катангский, Киренский, Мамско-Чуйский, Нижнеилимский, Нижнеудинский, Тайшетский и Чунский районы. Среди названных территорий следует отметить Братск, который имеет самый высокий уровень смертности на 1 тыс. населения среди крупных городов области. Современная

высокая смертность в этом относительно молодом, внешне благополучном городе характеризует всю глубину кризиса жизнедеятельности населения в регионе. Следом за Братском в столь печальной статистике идут Ангарск и Усолье-Сибирское [5, с. 477].

Основными причинами смерти населения в Иркутской области в 2014 г. являлись: болезни системы кровообращения (49,3 %), онкологические заболевания (15 %), несчастные случаи, травмы и отравления (13 %). Среди последнего класса основные причины смерти распределились в следующем порядке: самоубийства (567 чел.), транспортные травмы (477 чел.), убийства (465 чел.), случайные отравления алкоголем (175 чел.) [5, с. 478]. Среди регионов Сибирского федерального округа Иркутская область по уровню смертности занимает 10-е место, а на первых трех местах расположились республики Тыва, Алтай и Бурятия.

Среди умерших по всем возрастным группам преобладают мужчины — 16,1 чел. на 1 тыс. населения против 11,7 чел. у женщин. В трудоспособном возрасте наивысший коэффициент смертности у мужчин приходится на возрастные группы 50–54 и 55–59 лет. С 2000 по 2014 гг. в Иркутской области сократилось число детей, умерших в возрасте до года, с 16,1 до 8,8 на 1 тыс. родившихся. Наиболее неблагоприятно с младенческой смертностью в республиках Тыва — 18,1 чел., Алтай — 13,0 чел. и Хакасия — 12,9 чел. [4, с. 100].

За последние годы произошли существенные изменения в системе образования области. Сократилось число дошкольных и общеобразовательных учреждений. Только с 2010 по 2014 гг. количество дошкольных учреждений уменьшилось с 943 до 916, тогда как численность детей в этих учреждениях возросла с 105,8 до 135,8 тыс. [4, с. 106]. Рост рождаемости в регионе вызвал острую нехватку мест в детских садах. В половине всех дошкольных учреждений численность детей превышает наличие мест. Наиболее сложная ситуация наблюдалась в Черемхово (на 100 мест приходился 151 ребенок), Зиме (143), Братске (141). Несмотря на увеличение темпов строительства и реконструкцию дошкольных учреждений в последнее пятилетие, данную проблему решить пока не удалось.

На начало 2014 г. охват детей дошкольными учреждениями составлял 58,5 % от численности детей соответствующего возраста [4, с. 106-107]. Негативные тенденции имелись и в общеобразовательных учреждениях. С 2000 по 2014 гг. количество государственных общеобразовательных учреждений сократилось с 1 433 до 1 193, численность учащихся — с 431,7 до 284,1 тыс., учителей — с 33,9 до 20,2 тыс. В области существуют 15 негосударственных общеобразовательных учреждений, в которых занимаются 3 638 учащихся [4, с. 108].

Наибольшие потери понесли учебные заведения начального профессионального образования. Если в 2000 г. подготовку специалистов осуществляли 66 профессионально-технических учебных заведений с численностью учащихся 33,9 тыс., то в 2014 г. — соответственно 23 и 17 тыс. Все это говорит об утрате интереса молодежи к рабочим специальностям. С другой стороны, по-прежнему растет популярность высшего и среднего специального образования. В 2014/15 учебном году в области в девяти вузах обучалось 82 426 студентов, в 57 различных техникумах и колледжах — 40 506 студентов. В общей численности студентов удельный вес обучающихся в негосударственных учебных заведениях составлял 8,8 % [4, с. 113].

Недостаточное финансирование социальной сферы сказалось и на функционировании культурно-просветительных учреждений. К примеру, с 2010 по 2014 гг. количество библиотек сократилось с 804 до 786, а наличие литературы в них снизилось на 6,8 % [4, с. 116]. Ежегодно росли индексы потребительских цен на услуги организаций культуры, физкультуры и спорта, пассажирского транспорта и связи.

Нестабильность социально-экономического развития сопровождается криминализацией российского общества. В 2014 г. в Иркутской области было зарегистрировано 53 162 преступления. Наиболее распространены кражи, которые занимают 44,9 % всех преступлений [3, с. 6]. Начиная с 2005 г. отмечается снижение общего количества преступлений на 37,9 %, за 2014 г. — на 6,9 %. В области коэффициент преступности составляет 2 198 на 100 тыс. населения, что на 45,8

превышает общероссийский уровень [3, с. 7]. В 2014 г. Иркутская область по числу зарегистрированных преступлений занимала 8-е место из 12 регионов Сибирского федерального округа.

Таким образом, уровень жизни населения Иркутской области за последние два десятилетия подвергался различным колебаниям, которые вызваны нестабильностью социально-экономического развития страны. За годы так называемых рыночных реформ Иркутская область потеряла свою прежнюю привлекательность для проживания людей, что привело к резкому оттоку населения из региона. За 1992–2014 гг. население Приангарья сократилось на 379 тыс. чел. На начало 2015 г. в области насчитывалось 2 414 913 жителей [5, с. 481].

Литература

1. Естественное движение населения Иркутской области: стат. сб. Иркутск, 2015. С. 44.
2. Никольский А.Ф. Россия и Иркутская область – 20 лет без СССР. Иркутск: Сиб. кн. (иш. Лаптев А.К.), 2011. С. 114.
3. Правонарушения в Иркутской области: аналит. записка Иркутск, 2015. С. 24.
4. Уровень жизни населения Иркутской области: стат. сб. Иркутск, 2015. С. 162.
5. Цыкунов Г.А. Демографические процессы в Иркутской области в 1990-2000-е годы // Иркут. историко-экон. ежегодник. 2016. Иркутск: изд-во ИГУ, 2016. С. 475-481.